

JULIE

ЖЮЛИ



АНДРЕЙ ГРЯЗНОВ

Андрей Грязнов

Жюли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70131820

SelfPub; 2024

Аннотация

Жюли, выросшая в семье известного французского психиатра, выбирает собственный творческий путь, став фотографом в модном журнале. Однако стрессовое событие радикально меняет её жизнь: она начинает ошибочно полагать себя практикующим психоаналитиком. Под тайным присмотром отца, она оказывается в частной психиатрической клинике в Альпах, прежде уютном семейном отеле "Светлый утес". Там, под наблюдением доктора Бернарда, Жюли ассистирует в сеансах сюрреалистической живописи под гипнозом и участвует в терапевтических сессиях. Таинственные сны и рассказы пациентов оживают с такой силой, что стирают границы между сном и реальностью. Откроет ли нам Жюли дверь в своё подсознание, или мы окажемся зеркальным отражением её внутреннего мира? В клинике Жюли сталкивается с группой студентов-медиков, проходящих практику, не в силах отличить их от пациентов. Перед читателем встает загадка: кто перед нами – будущие врачи или реальные пациенты? Или секреты клиники останутся неразгаданными?

Содержание

Клиника «Falaise Lumineuse»	5
Практика Жюли. История Софи	15
Практика Жюли. Рождественский сквер	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Грязнов Жюли

Клиника «Falaise Lumineuse»



Частная психиатрическая клиника "Falaise Lumineuse", словно соответствуя своему названию – "Светлый утес", гармонично вписалась в горный ландшафт в сердце французских Альп, гордо возвышаясь на обрыве над рекой на фоне чарующего волшебства заснеженных вершин. Несколько обособленно стоящих домиков клиники искрились теплыми огоньками из окон, и их освещаемые яркой луной крыши были похожи на сладкие рождественские десерты.

Входные двери, украшенные венками, как бы приглашали гостей внутрь, где их ждали тепло и уют.

Вокруг домов были видны деревья, мерцающие разноцветными огоньками, под которыми находились подарки с рождественскими лакомствами в ожидании своих владельцев.

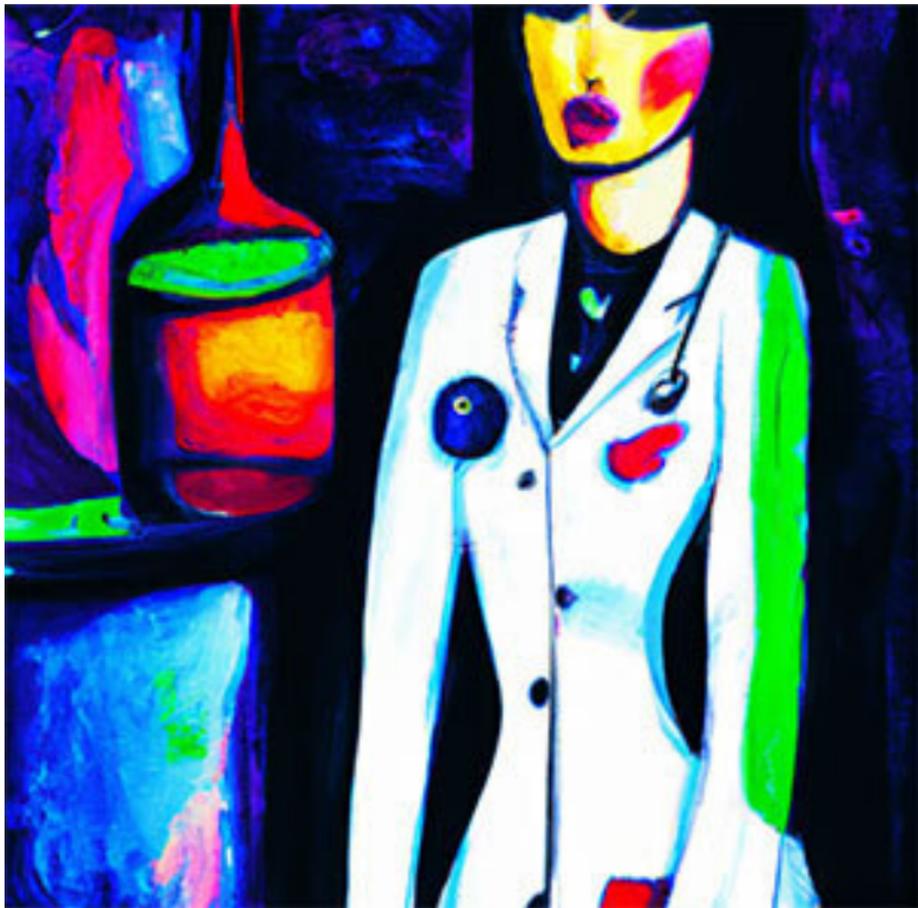
Неподалеку стояли корзины с дровами для камина, готовыми поддерживать тепло в холодные зимние вечера.

Совсем недавно это был небольшой семейный отель, но наследники в силу деликатных обстоятельств перепрофилировали его в психиатрическую клинику, доверив ее управление доктору Бернарду, корни которого уходили к русским эмигрантам времен гражданской войны прошлого века.

Доктор Бернард хотя и не был сторонником нетрадиционных методов лечения, однако с успехом применял в клинике рисование под гипнозом. По его убеждению, погружение в искусство не только раскрывало в пациентах новые грани

восприятия цвета, тона и композиции, но и способствовало если не их выздоровлению, то однозначно душевному спокойствию.

На просторной террасе с панорамными окнами, напоминающей арт-мастерскую, внимание привлекала стройная шатенка с голубыми глазами, которая энергично двигала мольберты и развешивала на стены сюрреалистические картины, написанные пациентами клиники для своих родственников и друзей в качестве рождественских подарков.



Закончив свою работу, Жюли подошла к окну и задумчиво посмотрела на звезды и облака, которые время от времени принимали разные формы.

Жюли отлично понимала, что ее место в клинике было обусловлено талантом в акварельной живописи и художественными навыками, приобретенными в школе Леона.

Эти ее качества имели большее значение, чем диплом медицинского колледжа, который она не так давно получила в Париже и уже успела потерять.

Девушка вспомнила день, когда впервые ассистировала доктору Бернарду.

Он переходил от одного пациента к другому и, глядя на холсты с их работами, давал короткие указания:

– Жюли, ультрамарин розовый! Охра темная! Кисть белка-двенадцать, быстро!

Немного сбитая с толку, Жюли робко спросила:

– А вам нужна кисть колонок-восемь?

– Да, Жюли, кисть белка-двенадцать и колонок-восемь, – лаконично ответил доктор.

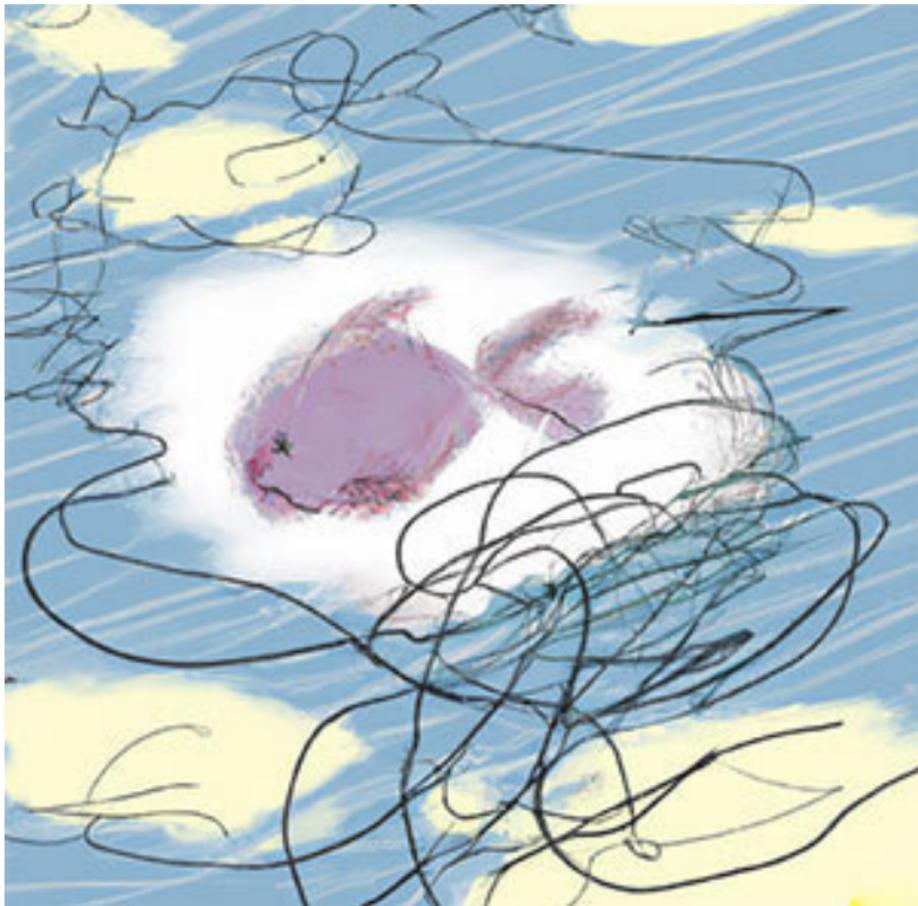
Передавая месье Бернарду кисти и краски, Жюли вспоминала свои медицинские практики в операционной.

– Знаете, доктор, раньше я думала, что буду слышать только "Сестра, скальпель!", "Сестра, зажим!", но ваши методы... они такие необычные. Благодаря вам я открываю для себя новые грани искусства, – произнесла девушка.

Доктор Бернард, не прерывая работу, улыбнулся:

– Возможно, вы и правы, Жюли. В искусстве наших пациентов есть что-то особенное. Вам нравится?

– Да, месье, – ответила девушка, задумчиво взглянув на доктора, и в ее глазах загорелся мистический свет.



– Вы быстро учитесь, Жюли. И я рад, что вы рядом, – добавил месье Бернард, слегка смущенный своими словами.

Словно очнувшись от сна, Жюли посмотрела на часы – время близилось к полуночи. Она еще раз прошлась по террасе и, закутавшись в теплый серебристый плед из шерсти Baby Lama, комфортно расположилась в уютном кресле у ок-

на с видом на безмолвные горные вершины.

Исполнился ровно месяц работы Жюли в клинике, и сейчас, словно в документальном кино, кадр за кадром перед ее глазами замелькали хроники прошедших дней.

Спустя неделю работы с доктором Бернардом, Жюли стала замечать удивительные совпадения и закономерности среди многообразия сюрреалистических изображений и историй, которыми делились пациенты.

Внимание девушки привлекло то, как рисунки и рассказы некоторых из них словно дополняли друг друга, создавая скрытый сюжет или послание.

Вскоре Жюли решила провести свое собственное расследование. Она тщательно изучила работы пациентов, записи их сеансов, стремясь соединить кусочки этой загадки.



В одном из рисунков, представляющем собой калейдоскопическую композицию, девушка обнаружила тонко спрятанные инициалы, которые, по ее мнению, указывали на одного из них.

Такой метод, как психоанализ через творчество, не был для Жюли чем-то новым, но глубина неосознанного, с кото-

рым она сталкивалась здесь, в "Falaise Lumineuse", превосходила все, с чем ей приходилось работать ранее.



Девушка начала проводить больше времени с пациентами во время их творческих сеансов, подбадривая их и внимательно слушая, что, как она надеялась, могло помочь ей рас-

крыть тайну их внутреннего мира.

Жюли все чаще задавалась вопросом, насколько глубока связь между искусством и психикой человека. Может ли творчество быть ключом к пониманию самых потаенных уголков человеческой души?

Этот вопрос стал ее манией: она постоянно думала о нем, изучая каждую деталь художественных работ пациентов из группы доктора Бернарда.

Постепенно Жюли начала видеть искусство не как средство для выздоровления, а как язык, позволяющий пациентам говорить о своих переживаниях и историях таким образом, который был бы невозможен в обычной беседе.

Ее взгляды на психотерапию стали меняться, она чувствовала, как внутри нее самой пробуждается что-то новое – смешение врача и исследователя искусства.

Глядя на луну, она испытала странное ощущение. Все вокруг казалось необычно тихим, даже ветер прекратил свой шепот.

Жюли подняла глаза на небо, и в тот момент она поняла: ночь, звезды, облака – все это было частью большой картины, и каждый из пациентов, каждая их история и каждый рисунок вносили свой вклад в эту мозаику реальности. Теперь ее задача была понять, как именно.

Практика Жюли. История Софи



Начало недели перед Рождеством не предвещало никаких неожиданностей, настроение у всех было праздничное. Воз-

дух был наполнен ароматами свежести, хвои и традиционных рождественских блюд. Радостные лица и врачей, и пациентов создавали некую атмосферу веселья и праздничного предвкушения. Близилось время, когда природа и человек должны будут объединиться в гармонии во имя жизни, любви и надежды.

Каждый понедельник с утра доктор Бернард осуществлял прием своих постоянных пациентов, которые делились с ним личными навязчивыми состояниями.

Жюли с подозрением относилась к их видениям, фантазиям и снам, полагая, что пациенты занимаются сочинительством ради возможности поболтать с ее милым доктором. Жюли на минуту задержалась у двери кабинета месье Бернарда, чтобы понять, кто именно из них находится на приеме, а затем, тихо приоткрыв ее, вошла и заняла место на стуле под старинными настенными часами, стараясь не выдать свое присутствие.

На кушетке с закрытыми глазами лежала рыжеволосая девушка и взволновано рассказывала доктору свой сон.

Жюли без труда узнала в ней известную фотомоделль Софи и, иронично взглянув на доктора Бернарда, стала слушать ее таинственную историю.

«В глубине потускневшего неба, где облака сливаются с бесконечностью, Печальная Рыба медленно прокладывает свой путь. Она, словно дух из другого мира, стала символом загадочности этой вселенной.»

Я пару рядом с ней и вижу, как одинокий орел, обычно король небес, теперь спит глубоко в пучине морской, будто перепутав свое предназначение. Где-то вдали водоросли покачиваются под мелодию медузы, которая поет не от страха перед бездной, но ради своей совести, ее глубокой внутренней истины.



Эта мелодия вибрирует в воздухе, заставляя мои пьяные мысли танцевать в такт ее пению.

Внезапно утренний багровый закат разрывает темные облака, и я вижу зрелище: жираф, величественное создание, стоит среди пустыни и смотрит на пингвина, который исполняет па-де-де. И все это было под прицелом огромного Циклопа, который, мигая своим единственным глазом, наблюдает за каждым движением этой абсурдной реальности.

Вдалеке мелькают сцены из разных времен и пространств. Слон, умело управляя доской для серфинга, с грацией спускается по песчаным дюнам, а на облаке спит рыжий кот.

Я опускаюсь с облаков на землю, и мои ноги бегут вперед, и вот я уже стою перед заброшенным заснеженным замком, из окон которого доносятся волшебные звуки арфы.

Я вижу Паганини, по его лицу струится пот, каждая нота наполняет атмосферу тревогой, и когда рвется последняя струна арфы, маэстро в отчаянии убегает, оставляя меня одну в этом мрачном месте.

Я вижу, как небесная бледность луны проникает в окна старинного замка, освещая протяженную галерею. Я чувствую холод каменного пола даже сквозь свои туфли. Я ищу что-то или кого-то, но не могу понять, кого именно. Стены увешаны портретами, каждый из которых кажется жи-

вым. На них изображены знатные дамы с таинственными взглядами в роскошных нарядах с искрящимися ювелирными украшениями.

Я ощущаю, как их глаза следят за мной. Где-то вдалеке, как эхо, я слышу шепот: „Будь со мной рядом...“ Я подхожу к портрету, где изображена бледная девушка в радужном платье, а на ее руке сверкает огромное кольцо с красным камнем, похожим на каплю крови.



Я хочу коснуться этого кольца, но вдруг рука девушки на портрете вытягивается из рамы и трогает меня, а таинственный голос шепчет мне на ухо: „Ты одна из нас...“

Я чувствую на губах горечь яда. Кажется, что дамы на портретах пытаются отравить меня. „Ты одна из нас, и ты не уйдешь, – шепчут они. – Ты одна из нас...“

Галерея мне кажется лабиринтом. Я понимаю, что выхода из этого кошмара нет. Все вокруг чудится каким-то больным сном.

Каждый раз, когда я думаю, что нашла дорогу домой, меня ждет новая загадка, новое испытание. И каждый раз я возвращаюсь к вопросу: „Ой, ой, ой, когда попадем мы домой?“

Софи продолжала рассказ, словно ни на секунду не сомневаясь в реальности своего сна. Доктор Берnard внимательно слушал, делая заметки в блокноте. Жюли, несмотря на изначальную скептическую настроенность, не могла отрицать внутренней силы и живости этой истории. Сны Софи были живописными и полными символизма, в каждом ее слове чувствовались эмоциональная насыщенность и глубина переживаний.

Доктор Берnard, подняв взгляд от блокнота, спокойным голосом спросил:

– Софи, а как вы себя чувствуете, находясь в каждом из этих мест? Какие эмоции вы испытываете, когда видите Печальную Рыбу или когда стоите перед замком с музыкой арфы?

Рыжеволосая девушка задумалась на мгновение, прежде чем ответить:

– Каждое место... оно как отражение части меня. Печальная Рыба – это моя задумчивость и одиночество. Жираф и пингвин – это странность и абсурдность моей жизни, контраст между тем, что ожидают от меня люди, и моими соб-

ственными желаниями. А замок... это моя потребность в защите, в том, чтобы скрыться от всего, но также и страх быть забытой.

Слова были как окно в душу фотомодели, и Жюли начала понимать, что каждый сон, каждое видение Софи – это не просто бегство от реальности, но и способ самовыражения, путь познания себя. Доктор Бернард записывал все без малейшего удивления или насмешки, словно это был обычный разговор о погоде, что еще больше усиливало доверие между ним и пациенткой.



Софи продолжала:

– Когда я увидела Паганини, я почувствовала отчаяние и страх, но в то же время и свободу. Как будто его музыка освобождала меня от каких-то внутренних оков.

Жюли с удивлением отметила, что и ей стали интересны эти истории. Они перестали казаться ей обычным бредом

или внимание ищущим поведением. Наблюдение за тем, как доктор Берnard помогал Софи разобраться в ее снах и фантазиях, показало Жюли, что ее задача здесь – не просто ассистирование в передаче кистей и красок, а работа с человеческой душой, и ее роль в этом процессе становилась все более значимой.

Доктор Берnard взял Софи за руку. И произнес:

– Я буду считать до трех. На счет «три» вы откроете глаза и забудете все, что сейчас говорили. Раз, два, три!

Софи медленно разомкнула веки, взгляд ее был слегка ошеломленным, но постепенно приходил в норму.

Она огляделась по сторонам, словно пытаясь вспомнить, где находится и как сюда попала.

– Как вы себя чувствуете? – спокойно спросил доктор Берnard, убедившись, что его пациентка пришла в себя.



– Я... я не знаю. Помутнение в голове, как будто проснулась от глубокого сна, – ответила Софи, потирая виски.

– Это нормально. Это часть процесса. Вы отлично справляетесь, – ободряюще произнес доктор, наливая ей стакан воды.

Тем временем Жюли, вышедшая из кабинета, старалась

осознать услышанное. Таинственные сны Софи и ее истории оживали с такой силой, что порой казались реальностью. Жюли поняла, что слова Софи о доме были не просто рифмой, а вызовом, метафорой той тонкой грани между реальностью и миром снов, которую Софи переступала каждый раз, закрывая глаза.

Жюли задумалась о значении снов и о том, как часто люди ищут ответы на свои вопросы в них. Она решила, что при первой же возможности обсудит с доктором Бернардом сны Софи и то, как именно он планирует использовать эту информацию для ее лечения.

Практика Жюли.

Рождественский сквер

Сессия с Софи была лишь одним из многих случаев, свидетелем которых Жюли становилась в стенах этого кабинета, и каждый из них оставлял в ее памяти отпечаток, побуждая задуматься о бескрайних просторах человеческой психики.

Час спустя, идя по извилистым коридорам клиники, Жюли неожиданно столкнулась с доктором Бернардом в костюме Санта-Клауса.

– Где вы ходите, Жюли? Оденьтесь быстрее. Я жду вас в сквере за клиникой, – не останавливаясь, произнес доктор и устремился вниз по старой деревянной лестнице.

После вчерашнего сеанса рисования под гипнозом месье Берnard решил лично понаблюдать пациентов вне стен клиники, гуляющими в специально отведенном для этих целей сквере, и даже накинул на плечи халат Санта-Клауса.

Жюли, держа в руках крафтовый стакан с ароматным кофе, подойдя к доктору, заметила, что он был немного взволнован и напряжен. Девушка присмотрелась к месье Бернару внимательнее, пытаясь понять причину его волнения. Обычно такой человек, как он, – воплощение спокойствия и контроля, но сейчас что-то было не так.



– Доктор Бернارد, вы в порядке? – осведомилась она.

– А? Да, да, конечно, – быстро отозвался мужчина, пыта-
ясь взять себя в руки. – Просто сегодня важный день.

Мы должны увидеть, как пациенты реагируют на перемену обстановки и рождественскую атмосферу сквера. Все это часть терапевтического процесса.

Жюли кивнула, но не могла избавиться от ощущения, что старший коллега что-то скрывает.

Она знала, что сеансы гипноза и творческие эксперименты могут оказывать неожиданное влияние на умственное состояние пациентов, а иногда и на самого доктора.

В сквере пациенты уже собрались вокруг невысокой, но ярко украшенной елки, их лица отражали смешанные чувства: от восторга и радости до смущения и замешательства.

Подходя к доктору, Жюли была полна решимости узнать больше о его методах и о том, какие именно результаты он ожидает от сегодняшнего дня. Она чувствовала, что это Рождество принесет больше вопросов, чем ответов.

Жюли наблюдала за пациентами и задумалась, как же все эти рождественские символы и традиции влияют на подсознание людей. Может ли добрый Санта-Клаус, в роли которого предстал сегодня доктор Берnard, действительно помочь пациентам справиться с их беспокойствами и тревогами? Или же это просто кратковременный отдых от стен больницы, маленький оазис нормальности в середине терапии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.